

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 56. Буэнос-Айрес, сентябрь 2020. XIV год издания.

Сербия. Культура памяти или культура воспоминаний?

В Сербии благодаря усилиям неправительственного сектора — так называемых соросовцев и грантоедов, известных в политическом сообществе как «другосербиянцы» (сербы, выступающие за НАТО, ЕС, либерализм и т. п.), — под видом науки пустила корни идея о том, что **истории нет**, а значит, **нет и культуры памяти**. Есть только культура воспоминаний — того, что помнит живой человек. Все остальное — фикция, ненадежная информация.

Так, один из авторов, сформированных на таких основаниях, пишет: *«Ни одно описание прошлого на самом деле не является верным описанием прошедшей эпохи: нельзя вернуться в прошлые времена и проверить точность нашего описания. Оно представляет собой актуальное толкование и является предметом живых споров. Поэтому ссылаться на прошлое можно лишь с рядом ограничений. Любое историческое событие — закономерный итог обстоятельств того времени, а рассмотрение этого события здесь и сейчас неизбежно сопровождается «внедрением» его в сегодняшний, а значит неподходящий, контекст. Таким образом, парадокс прошлого проявляется в том, что историческое событие становится основой для актуальных толкований, которые никак прямо не связаны с исходным историческим контекстом. Другими словами, нам недоступна возможность восприятия прошлого как неизбежного следствия предшествующих событий. Его постоянно реконструируют и переосмысляют в связи с актуальными потребностями общества и ожиданиями от будущего. Тот, кто не осознает эту проблему, в прошлом видит кристально ясное и неопровержимое доказательство своего мнения, не понимая, что его позиция не имеет никаких прямых оснований в истории. В некотором смысле можно утверждать, что прошлого нет ни у кого. Остается лишь его толкование, видение, по поводу которого есть (не)согласие в той или иной мере»*^[1].

Посмотрим, так ли это.

В белградском издательстве «Просвета» в 2011 году вышел перевод книги Яна Ассмана «Культурная память» (в дословном переводе на сербский — «Культура памяти», а не «Культура воспоминаний»), в которой идет речь о роли памяти и ее формах в процессе формирования культурной идентичности.

Весна Джукич, профессор факультета драматического искусства, в 2017 опубликовала свою монографию «Как/Кто мы? О культуре памяти и политике идентичности в Сербии» (снова — культура памяти).

Правительством Республики Сербия создан сайт «Культура памяти», призванный спасти от забвения страдания сербов и евреев во Второй мировой войне.

Детский культурный центр Белграда работает над проектом «*Культура памяти — наследие святого Саввы Сербского в третьем тысячелетии*».

Стоит упомянуть также то, что историк Радован Самарджич, изучив деятельность исполнителей эпических песен и их вклад в сохранение самосознания своих слушателей в обычном полку, написал, что «даже в самых широких кругах сохранялась особая мудрость, понимание того, что жизнь кончится, **если будет потеряна память**. Из-за этого «устный хронист», а с ним и **народный гусяр** старались установить и сохранить вертикаль, состоящую из исторических, морально-нравственных и поэтических «примесей», благодаря чему весь сербский род будет крепко стоять на ногах, а значит, сможет выжить».

Так какие же разногласия возникают, когда речь идет о культуре памяти? Прежде всего, стоит сказать, что наш предмет исследования обычно определяется следующим образом.

«Культура памяти — это символическое наследие, представленное в текстах, церемониях, памятниках, празднествах, священных писаниях и других формах, которые выполняют функцию мнемотехнического «побудителя» смыслов, связанных с событиями прошлого».

Вместо этого понятия иногда используют термины «культура воспоминаний», «национальная память», «культурная память», однако стоит отметить, что в Сербии понятия «память» и «воспоминания» не являются синонимичными.

Поясним почему. Синтагму «культура воспоминаний» используют «другосербиянцы», которые свою идентичность определяют как несербскую, чаще антисербскую, то есть «проевропейскую» и «пронатовскую». Они не осознают того, что «воспоминание» является кратковременным, чаще всего — одномоментным мыслительным актом, обычно относящимся к чему-то сравнительно неважному, побочному, стороннему...

В 2006 году вышла книга профессора Тодора Кулича под названием «Култура сећања» / «Культура воспоминаний» (единственная, но в среде молодежи, очевидно, более заметная, чем вышеупомянутые). В ней содержится весьма упрощенное, и поэтому неточное, предположение: «У счастливых людей плохая память и богатые воспоминания». Получается, молодым людям для счастья нужны «богатые воспоминания». Какое упрощение, причем неверное! Кулич советует своим читателям (а это, в основном, студенты философского факультета) «быть критичными по отношению к коллективным, идеологическим картинам прошлого и способными сформировать собственное отношение к истории». Далее он пишет, что без памяти мы, конечно же, не смогли бы представить себе время. Однако при этом **память сознательно и несознательно искажает то, что нельзя вернуть. В памяти прошлое хранится не как мертвый объект, а вполне активный и используемый конструкт**. Именно здесь и скрыта возможность манипуляций. Критичная «культура воспоминаний» стремится показать образцы и модели разнообразных интерпретаций прошлого. В этой книге продемонстрированы разные механизмы искажения истории. Это достигается как сохранением одних смыслов, так и забвением других. Другими словами, как и зачем забывается то, что для правящих групп невыгодно, но и то, что для коллектива нефункционально, а для отдельного человека — неприятно? Одним словом, нужно демистифицировать селективную память и организованное забвение.

Если этого недостаточно, приведем слова профессора Кулича о «воспоминаниях», опубликованные на «Пещанике», самом значимом для «другосербиянцев» портале: «Судя по всему, в 2005 году взгляд на недавнее прошлое новых балканских государств под давлением извне получил новые оттенки. В отдельных государствах и между ними обострились споры по поводу военных преступлений. Хорваты отчаянно защищают достоинство Отечественной войны [так в Хорватии называют военный конфликт 90-х гг., связанный с выходом страны из состава Югославии. — прим. перев.], а сербы стараются смягчить исключительность геноцида в Сребренице, акцентируя остальные преступления. «Отечественную войну нельзя расценивать как преступление»;

«Сребреница — результат целенаправленной пропаганды», — такими лозунгами успокаивается травмированное, но гордое национальное чувство простого человека. Не меньше впечатляет риторика, с помощью которой все защищались от агрессии, а если где-то и перегнули палку, то это были крайние случаи» [2].

Если мы правильно поняли, для Кулича «геноцид в Сребренице» неоспорим, что его определенно дискредитирует как объективного и благожелательного исследователя.

Третий аргумент в пользу синтагмы «культура памяти» — языковой природы. Российский автор Вадим Викторович Рыбин в одной из своих работ утверждает, что один из методов языковой борьбы, описанных учеными, — это разобщение языка-соперника и родственных ему языков. Этот метод так же стар, как принцип «разделяй и властвуй». Так, например, мы видим, как **славянские языки, без взаимной договоренности, заимствуют иностранные слова** [3]. Конечно, в случае со словами «память» и «воспоминание» речь идет не об иностранной лексике (по крайней мере в сербском языке), однако и здесь можно говорить об отхождении от общего корня. **По-русски «памѣнь» — «память», по-болгарски — «памет», по-польски — «pamięć»:** ясно, что у этих слов общий корень, и это, пожалуй, следовало бы сохранить. Традиция не просто делает науку более обоснованной, но также свидетельствует о ее глубоких корнях. Так же происходит и с понятиями. Итак, для того, кто беспристрастно и бесстрашно подходит к решению данного вопроса, все аргументы свидетельствуют в пользу понятия «**культура памяти**».

Из приведенных примеров ясно, что речь идет не только о разных теоретических подходах, но также и о навязывании через «культуру воспоминаний» «другосербиянской» идеологии, включающей в себя нарратив о геноцидном характере сербской и русской истории. В ушах у молодых исследователей, очевидно, какая-то мембрана, которая мешает им услышать, что Югославия не распалась, а была развалена с помощью внешнего вмешательства, несмотря на доказательства из доступных источников. Молодые люди не могут понять, что не сербы в Косово и Метохии угнетали албанцев, а наоборот — албанцы сербов, о чем свидетельствует трагическая судьба Джордже Мартиновича, причем задолго до того, как дело дошло до оружия. Они не могут понять, что НАТО совершило агрессию на Сербию и Черногорию, не имея одобрения Совета безопасности ООН (в соответствии с международным правом — единственного органа, уполномоченного принимать решение об использовании оружия и армии). Им, молодым «исследователям», кажется, что Сербия и Черногория заслужили бомбежку НАТО, и такая логика неминуемо маркирует их как автошовинистов, т. е. сербов-самоненавистников.

Следовательно, возникает вопрос: кто воспитывает нашу молодежь?

Ясно, что Сербия отдала свою систему образования западным центрам силы, которые влияют не только на учебные программы, но на и педагогический состав. На день памяти святого Саввы Сербского в 1966 году святой Иустин Челийский с грустью предостерегает, скорбя о судьбе сербского народа: *«Ты, Сербия земная, куда идешь? Что в конце твоего пути? Что, если не бездна, не гибель?.. Сербы не идут в монахи, сербы пошли за Европой, за культурой, за модой. Женщины гоняются за парижской модой — и в городах, и в сёлах. Мальчишки, молодежь, сербы зрелые, родители, чиновники, служащие — все кинулись за удовольствиями. Перво-наперво кино, театры превыше всего... О, трупы сербские! Что вам дает эта культура и цивилизация? Что, кроме лжи? Что, кроме ложного удовольствия?.. Полна сербская земля трупов духовных. Что ни душа — то труп! Вот такие, в целом, сегодняшние сербы»* [4].

Здесь самое страшное — та (само)уверенность молодых исследователей, их убеждение в том, что они все знают лучше других, особенно по сравнению со старшими коллегами, чью работу, чьи знания и возраст все чаще воспринимают как болезнь и интеллектуальную отсталость, даже деменцию! Такая логика лежит в одной плоскости со уверением молодого поколения сербов в том, что во всех бедах их родины виноваты

пенсионеры — те, кто на протяжении десятилетий создавали все общественные блага сегодняшней Сербии.

Если раньше старость ассоциировалась со зрелостью и мудростью, то сейчас она считается помехой прогрессу, развитию, освоению жизненного пространства, сохранению природных ресурсов для новых поколений в мире, где коронавирус — закономерное явление, добывающее стариков, тех людей, которые давно не приносят обществу никаких благ.

Конечно, не стоит забывать и о том, что молодежь «бежит от России, как дьявол от креста»: считается, что сотрудничество с учеными из этого государства — идеологическая ересь, недопустимая ошибка и интеллектуальная деградация. Сознательно игнорируется тот факт, что наука есть и в России, а также то, что она, среди прочего, освободила Европу от нацизма. Все это напоминает те трудные времена, которые писатель Драгослав Михайлович описал в своем романе «Когда цвели тыквы» (первое издание 1968 года) — когда людей отправляли в ссылку за то, что они слушали Радио Москвы.

ЛИТЕРАТУРА:

Јефтић, Милош: ПРОГЛАС О КОЛЕКТИВНИМ СЕЋАЊИМА: ЗНАЧАЈ И ПРОБЛЕМИ ЗА КУЛТУРУ ПАМЋЕЊА, у зборнику *Говор мржње и култура памћења*, приредили Зоран Милошевић, Милош Кнежевић, Институт за политичке студије, Београд, 2020.

Куљић, Тодор: Критичка култура сећања. <https://pescanik.net/kriticka-kultura-secanja/> 30. 06 2006.

Рибин, Вадим Викторович: ОПЕТ СЕ ПОВЛАЧИМО: Смањивањем употребе црквенословенског језика у Богослужењу ми издајемо православље, у зборнику *Православље и расколи: Како се снаћи?*, Приредио Зоран Милошевић, Примапром/Балканска геополитика, Бања Лука, 2020.

Св Јустин Ћелијски: Где су Срби? (Објављено у зборнику: *Тајна Светосавља*, Београд, 2013, стр. 252–255.

<https://regnum.ru/news/polit/3061348.html> - ftн4

[1] Милош Јефтић, ПРОГЛАС О КОЛЕКТИВНИМ СЕЋАЊИМА: ЗНАЧАЈ И ПРОБЛЕМИ ЗА КУЛТУРУ ПАМЋЕЊА, у зборнику *Говор мржње и култура памћења*, приредили Зоран Милошевић, Милош Кнежевић, Институт за политичке студије, Београд, 2020, стр. 374.

<https://regnum.ru/news/polit/3061348.html> - ftнref1

[2] Тодор Куљић. Критичка култура сећања. <https://pescanik.net/kriticka-kultura-secanja/> 30. 06 2006.

<https://regnum.ru/news/polit/3061348.html> - ftнref2

[3] Вадим Викторович Рибин, ОПЕТ СЕ ПОВЛАЧИМО: Смањивањем употребе црквенословенског језика у Богослужењу ми издајемо православље, у зборнику *Православље и расколи: Како се снаћи?*, Приредио Зоран Милошевић, Примапром/Балканска геополитика, Бања Лука, 2020, стр. 145.

[4] Св Јустин Ћелијски: Где су Срби? (Објављено у зборнику: *Тајна Светосавља*, Београд, 2013, стр. 252–255.

Зоран Милошевић — *Институт политических истраживања. Белград. Сербия.*

Белград, 12 септембра 2020

Зоран Милошевић

Институт политических истраживања. Белград. Сербия.

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 56. Буэнос-Айрес, сентябрь 2020 г. XIV год издания. Издается на правах рукописи.

Учредитель, издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Корректор: О. Н. Жерехова.

При использовании и перепечатке материалов ссылка на источник обязательна.

Почтовый адрес: I Andruskiewitsch. Calle Entre Rios 2628. 1653, Villa Ballester. Argentina.

Эл. адрес: kadetpismo@hotmail.com Блог: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>